

Федор Михайлович Решетников

Заседатель

Федор Михайлович Решетников

Заседатель

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22137640
Заседатель: 1861

Аннотация

«...Действие происходит во времена дореформенные, в одной из отдаленных губерний. Первое действие в губернском городе; остальные в уездном...»

Содержание

Действие 1-е	6
Действие 2-е	27
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Федор Михайлович Решетников Заседатель

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Павел Тимофеевич Судейкин – 45 лет. В 1-я действии – чиновник губернского правления, в остальных – заседатель уездного суда в дореформенном уездном городе.

Марфа Павловна – его жена, молодая еще и красивая женщина, лет 32.

Ольга – дочь Судейкина от первого брака, 19 лет. Училась в губернском пансионе; любит читать.

Коля – сын Судейкина от второго брака, лет 9.

Карташев – молодой чиновник особых поручений у губернатора. Из университетских.

Михайлов – юноша из семинаристов, лет 20, пробивается в уездном городе перепиской, службой в почтовой конторе. Родственник почтмейстера. Пописывает стихи и корреспонденции в газеты.

Карп Егорович Навалихин – уездный судья.

Чурохов – правая рука судьи. Молодой человек, лет 25. Уездный франт. Носит длинные волосы. Выписывает газеты.

Запесошный – секретарь суда. Лет 50. Хромой и рыжий. Лицо красное, с признаком злоупотребления спиртными напитками. Неряшлив. Говорит заикаясь.

Дорофеев – бургомистр из купцов. Малограмотен. Толстый. Носит бороду и длинные волосы, по-русски. Лет 50.

Тетерин – почтмейстер, лет 40.

Зимин – заседатель, лет 25.

Городничий, стряпчий, архивариус и их жены.

Артемий – кучер Судейкина.

Сторожа.

Действие происходит во времена дореформенные, в одной из отдаленных губерний. Первое действие в губернском городе; остальные в уездном.

Действие 1-е

Небольшая, порядочно убранная комната, обитая обоями желтого цвета. Налево дверь в кабинет Судейкина, в углу стол. Впереди дверь в другие комнаты, направо два окна на улицу. На окнах по две банки с цветами. У стен стулья. Между дверями налево и дверями впереди диван обитый красным бараканом; перед ним стол с бумагами, книгами, чернильницей с перьями и кисет с табаком; возле стола стоит чубук с трубкой. На диване сидит Судейкин; он в халате, сильно задумался, в руке перо. Перед ним лежит большое "дело" и тетрадь. По левую сторону его сидит на стуле Марфа Павловна, в ситцевом зеленого цвета платье. Она сидит важно, Навалившись на спинку стула и перебирая том свода законов.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Судейкин и Марфа Павловна

Марфа Павловна (*смотря на Судейкина*). Молчит! Что это такое в самом деле с тобой... Ну, что ты написал?

Судейкин (*очнувшись*). Что-с?

Марфа Павловна (*бросая книгу на диван*). Фу боже мой! Я, ведь, спрашиваю, кажется, тебя, а ты мне же вопрос задаешь:

"что-с?"

Судейкин (*будто не понимая*). Что-с?

Марфа Павловна (*с сердцем*). Тыфу, досада! Ведь, вот какой гадкий человек: затвердил одно и то же... и поди с ним!.. Ну посмотрите добрые люди на него! Сидит, как полоумный, и на меня смотрит... Скажите мне пожалуйста, ваше благо-родие, узоры что ли вы с меня снимаете?

Судейкин (*бросает перо*). Нет! Я... да я расстроен!..

Марфа Павловна. Расстроен! Скажите пожалуйста!.. Эдакой право чувствительный. Уж не мной ли вы, сударь, рас-строены-то?

Судейкин. Гм!.. (*Смеется.*)

Марфа Павловна. Вам смешно!.. Ах боже мой! Скоро де-вять часов, пора кончать доклад и идти на службу, а он вот полчаса сидит, не написавши строчки... Сидит, задумав-шись, перо держит, а ничего не выдумает. Вот мой дядень-ка, как сядет писать, так все и пишет, только кверху взгля-нет, да в закон посмотрит, пишет, пишет, не устает, хоть ча-сов пять просидит, а он вот... глядите добрые люди!.. Ме-ланхоличный будто. А пожалуй, если кто увидит его в таком положении, подумает: эдакой ученый! Вот трудов-то, поди, не оберется.... А в самом-то деле он выходит болван болва-ном...

Судейкин (*набивает трубку табаком и раскуривает*). Оставьте ради бога меня в покое. Вы мне мешаете... Я вам не десять, сотню раз говорил... Ну?

Марфа Павловна. Вот разодолжил!.. Прекрасно... Позвольте вас спросить, вы кончили?

Судейкин. Что?

Марфа Павловна. Доклад?

Судейкин. Разумеется.

Марфа Павловна. И не спросились меня!.. Ну как! вам не стыдно, Павел Тимофеевич! (*с сердцем*). Я вам приказывала всегда, спросившись меня, кончать доклады, о которых я прошу... А вы меня не хотите слушать! Меня, которая одна вас жизни учит, без которой вы бы были простым чиновничком, или бы вас прогнали за вашу дурь...

Судейкин (*про себя*). Опять заколесила! (*Марфе Павловне:*) Я вас не понимаю?

Марфа Павловна. Неблагодарный! Так-то ты уважаешь меня, ценишь мою любовь!.. Не я ли старалась о тебе, хлопотала, билась, как угорелая... Просила дядюшку своего, советника правленского... Через кого ты попал в столоначальники в палату? Через кого был столоначальником в губернском правлении? Через кого ты вылез из беды, когда поссорился с ассесором? Через кого попал в секретари палаты и теперь переводишься в уездные заседатели? Да вы бы во всем должны мне повиноваться и уважать моего дядюшку. Поймите, что вы через меня наверное судьей будете, а после и советника добьетесь. А вы все говорите: "я вас не понимаю, несогласен"... Стыдились бы и говорить такие слова...

Судейкин. Марфа Павловна, не горячись пожалуйста!

Мне право обидно, что ты рассуждаешь со мной, как с чужим, крепостным. Я кажется, вам муж. Конечно, я сам виноват, что раньше отдался весь в ваше распоряжение. Будь я тверже характером, вы бы не командовали мной, как солдатом.

Марфа Павловна (*всплеснув руками*). Хорош муженек!

Судейкин. Марфа Павловна, неужели вы не видите, что я вас люблю. Поверь, друг мой, что ты мне дороже всего на свете. Но согласись, любви есть мера: ты требуешь невозможного, рискуешь моей судьбой. Пойми, пожалуйста, что служба вещь большая. Мы рабы службы. Служащие живут двумя жизнями: служебной, где на каждом шагу подчинение, унижение и рабство, исполнение обязанностей и больше всего закон, — и домашней, где семейные радости, утешение, отдых, ласки женщины, любимой Марфы Павловны... Я вас во всем уважаю, но в службе прошу меня не беспокоить. Это я вам давно говорил... В делах, я уверен, больше вас знаю, а вы пристаёте со своими мнениями, со статьями закона, который читали пять лет у своего дядюшки и ничего не знаете. Да и нигде не видано, чтобы женщины вмешивались в служебные дела мужа, решали участь несчастных, разрешали судьбу и права человека. Ведь, ты не Екатерина... Я тебе скажу всегда, что ты в делах ничего не смыслишь, и меня не перехитришь. Я семь лет был писцом, да одиннадцать столоначальником в палате... Знаю, поди, что-нибудь. Давно бы я был и без тебя уже судьей, да под судом два раза был, да и

два дела теперь еще не кончено.

Марфа Павловна. Все-таки не я виновата, я же помогла тебе быть заседателем. Без меня ты бы погиб. Вот недавно совсем было попал под суд, да я вытащила...

Судейкин. С тобой двадцать раз в год попадешь под суд... Хороши больно твои советы. (*Пишет.*) Все, что я ни писал со слов твоих, все не сходило с рук; ведь мы гршили с тобой.

Марфа Павловна. Эдакой святой!

Судейкин. Извольте отправляться! (*Пишет.*)

Марфа Павловна (*про себя*). Вот-те раз! Что это такое значит? Он у меня совсем из повиновения вышел. Всегда, когда нужно мне, он решал дела по-моему, я еще вчера его просила решить дело это по-моему, он сказал: "подумаю", а сегодня отказывает. Пожалуй, он решил по закону. А я-то что скажу? Семенов дал мне денег. Сам не смел его просить... А я ничего не сделаю?... Стыд моей головушке! Но я его урезоню. Я немножко лишнего наговорила, его симпатию задела. Ничего, согласится. (*Судейкину:*) Паша, нельзя ли узнать твое заключение по делу?

Судейкин. Для чего?

Марфа Павловна. У меня есть просьба до тебя... Помнишь, о чем я вчера тебя просила?

Судейкин. Так было прежде, а теперь я решил окончательно — никогда не слушать ваших советов и решу это дело по законам.

Марфа Павловна (*подходя к нему, ласкаясь*). Но... Па-

ша... я прошу... прошу для нашей же пользы... Припомни Звонарева...

Судейкин. Ну, что ж?

Марфа Павловна. А то, что если ты послушаешь меня, то получишь на дорогу.

Судейкин (*вставая, с сердцем*). Да дай решить мне по закону! Ведь, это последнее дело, которое я решаю...

Марфа Павловна. Да ты реши, как я прошу; а там, как хотят. Решать по закону тебе еще много предстоит впереди.

Судейкин. Оставь меня в покое! Я тебе сказал.

Марфа Павловна (*нежно*). Ты какое хочешь сделать заключение?

Судейкин (*сядась*). Ершову дом отдать, а Семенову отказать.

Марфа Павловна. Как строго!

Судейкин. Закон – нельзя.

Марфа Павловна. Ну еще что?

Судейкин. Взыскать с Семенова за гербовую бумагу, деньги за время владения домом, рублей около двухсот. В деле есть все факты, и Ершов прямой наследник.

Марфа Павловна. И это все хочешь сделать ты?

Судейкин (*гордо*). Не я – закон!

Марфа Павловна (*ласково*). Паша, да как-нибудь иначе!.. Семенов-то, ведь, родственник мне.

Судейкин. Мне все равно.

Марфа Павловна. В тебе, право, черствое сердце. Весь ты

пропитан злом... Паша?

Судейкин (*выходит из терпенья*). Что вам нужно?

Марфа Павловна. Неужели для меня, которая так тебя любит, ты готов всю родню мою обидеть и погубить.

Судейкин. Конечно!

Марфа Павловна (*сидясь возле него, беря его за руку*). Паша! какой ты, право, жестокий! Ну, пощади Семенова...

Судейкин. Да ты мне скажи, как он тебе будет родственник, да за одно уж и про дело. Ведь, ты знаешь, коли он тебе родня, все об ихнем доме (*курит*).

Марфа Павловна. Изволь. В двадцатых годах в уездном городе Н. жил мещанин, человек зажиточный, торговал мясом и салом. Он был холост. Сестрица сродной тетушки моей, Анфисы Павловны, Агнеса Капитоновна, жившая там с мужем, чиновником уездного суда, и влюбись в этого мещанина. Конечно, это глупо и неловко для нашей родни. Но любовь!.. Как муж умер от чахотки, она и вышла за Семенова.

Судейкин. Хороша родня десятого колена! Ха, ха, ха!.. Ну, а дело-то?

Марфа Павловна. Вчера, как ты ушел утром в палату, сын Семенова был у меня. Это красивый парень, здоровый, конечно, без образования. В уездном городе где образоваться! когда у нас мещане не образуются, а там и подавно. Я, говорит, ваш родственник. У меня, говорит, есть дело, дело это правое...

Судейкин. Вот и врешь.

Марфа Павловна. Вот слушай, что он рассказал. Отец его покойный у мещанина Ершова дом купил. Дом славный, с садом еще, там стоит рублей 3000 на серебро, а здесь бы стоил 9000 р. Только дом куплен без всяких актов. В деле нет ни документов, ни росписки от Семенова, а у Ершовых по какому-то случаю оказалась и купчая крепость. Во время покупки дома у Ершовых было двое детей, и он сам по продаже дома уехал в другой город. А по смерти его, годов через 7, мать Ершовых наследников нашла в ящике документ на дом, а детям сказала, что Семенов домом владеет неправильно. Ершовых мать подала просьбу, вот и завязалось дело. Конечно, Семенов в суде ничего не взял и подал в палату.

Судейкин. И палата откажет. Напрасно подавал.

Марфа Павловна. Ты видишь, Семенов не виноват. Зачем же все на него?.. Он меня просил, чтобы я попросила тебя. Он мне дал еще для передачи тебе сто рублей...

Судейкин (*вставая*). И ты взяла?

Марфа Павловна. Что же! Дают, так отчего не брать.

Судейкин. И тебе не стыдно?

Марфа Павловна. Чего ж стыдиться? Коли муж берет, так отчего не брать жене.

Судейкин. Браво! Глупо!.. Подло! Вот до чего мы дожили!.. Уж жены стали брать взятки...

Марфа Павловна. Смейся, смейся, а сто рублей не шутка.

Судейкин. Конечно, для того, кто не знает стыда и совести.

Марфа Павловна. У тебя, Паша, давно их нет. Ну что же? Вот и деньги, возьми! (*Кладет на стол.*) Ну, что же? Ведь сто рублей!..

Судейкин (*про себя*). Что делать? Сто рублей... На дорожку... На обзаведение?.. Последнее дело решаю... (*Марфе Павловне.*) Нельзя.

Марфа Павловна. Ну, заладил нельзя да нельзя. Не мучь, пожалуйста, меня. Я целых два часа жду твоего согласия, предлагаю деньги. Ну, как же?

Судейкин (*про себя*). Честь давно уж продана. Ведь не узнают. Возьму, напишу как-нибудь. Я не виноват, она... А там не буду...

Марфа Павловна. Вот еще 50. Извини, что не все сразу показала. Он дал 150, а больше, говорит, нет.

Судейкин. Марфа Павловна! Я уж говорил тебе, какой грех и что ожидает меня за это. Я уж клялся не брать больше.

Марфа Павловна (*смеясь*). Еще возьми, а больше не бери...

Судейкин. Так, так... но? Нарушить закон!

Марфа Павловна. Какой ты несговорный. От того-то ты и беден. Ну, с чем ты поедешь в уезд?.. Вообрази свое положение. Ты там не бери, а теперь, зачем отказываться? Ведь, написать не долго, а там как хотят.

Судейкин. Написать, так надо подать в присутствие, а подал, так и утвердят.

Марфа Павловна. А чем скорее, тем и лучше.

Судейкин. Но, Марфа Павловна... Ведь за это под суд можно попасть...

Марфа Павловна. С чего ты взял... (*Развертывает бумаги, книга и дает перо Судейкину.*) Ну, пиши скорее.

Судейкин (*молча садится и пишет*).

Марфа Павловна. Ты что пишешь?

Судейкин. Отказ Семенову.

Марфа Павловна. Паша! Пиши, на основании 2319 ст. Ершову отказать, так как он ничем не доказал...

Судейкин. Не доказал... доказал... Ну, да что с тобой делать. (*Пишет. Про себя:*) О я... вот что сделаю. Пусть ее говорит! Напишу; а деньги у меня. Сегодня Семенов будет в палате, отдам ему. Нет, матушка, будет командовать надо мной... Деньги! Вот они-то и губят нас.

Марфа Павловна. Будет вам умствовать, пишите, ваше благородие, по 529 ст., Ершов должен заплатить Семенову...

Судейкин. Чтобы пополнить ту сумму, что дал вам? Вот как! (*Смотрит на книгу.*) Как глупо. Прочитай и сообрази.

Марфа Павловна. А что!

Судейкин. Читай, читай!

Марфа Павловна (*прочитав*). Ошиблась, не ту сказала. (*Диктует:*) Так как Ершов умер, то взыскание за не гербовую бумагу и за все обратить с его жены или детей.

Судейкин. Вы сообразите, что говорите!

Марфа Павловна. Да у ней имения сколько осталось!

Судейкин. Хоть бы миллион, так нам какое дело. Вы за-

были, вот вам 111 и 114 ст. жена за мужа долги не платит.

Марфа Павловна. Жаль! Ну, Паша, ты кончай в пользу Семенова. Надеюсь, кончишь, а я пойду готовить чай
(*Поцеловав его, уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Судейкин! (один)

Судейкин. Господи боже мой, до чего я дожил! Жена! Прежде хороша она была мне, а теперь я понял, что скверно, гадко. Прежде, бывало, дадут 5, 10 рублей, и то ладно. Тогда я сильно пил; а если бы не пил, можно было накопить денег, построить дом, я бы был давно ассесором. А то теперь вот и живу в женином доме. Что это, право, за жена у меня. Она у своего дядюшки все должно быть законы читала. Вот и думает, что много знает. Придет ко мне проситель, она наперед с ним обделаает дело, потом просит меня, дает денег и велит писать, как ей вздумается, и воображает, что я делаю по ее воле... Наконец, как я попал под суд по двум делам, я сообразил, понял, что я делаю скверно, что я все-таки больше знаю жены. Еще бы!.. Я и решил не слушать ее; а она на зло снова и снова... Соблазняет, дает сотни, ну и не утерпишь. Вот вам будущий заседатель; ну, какой я заседатель?..

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Марфа Павловна (*приносит большой фарфоровый стакан и белого хлеба и уходит*).

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Судейкин (один)

Судейкин. Ну, нет, я решился теперь не поддаваться ей. В самом деле ведь это чорт знает, что такое! Ершову дома не отдать, когда документы есть у него... А в уездном суде, клянусь, не брать больше... ни, ни, ни!

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Ольга и Судейкин

Ольга (*в ситцевом платье*).

Ольга (*входя*). Папаша!

Судейкин. Что, Оличка?

Ольга. Папа, я слышала... ваш разговор с мамашей.

Судейкин. Ну, а тебе какое дело?

Ольга (*обнимая Судейкина и целуя*). Папаша! Милый папа! Не вы ли давно когда-то говорили быть мне честной, не брать пример с мамыши? Не вы ли клялись когда-то давно

быть честным, не брать подарков или взяток. Не вы ли доверяли мне ваши тайны, с любовью жаловались на мамашу и просили не покидать вас советами? И что же? Сегодня вас обманула мамаша, говоря, что Семенов ей родственник. Не верьте, несколько... Вы взяли деньги... Папа! Для того ли вы воспитали меня, чтобы все говорили: вот, училась в пансионе, а отец взяточник?..

Судейкин. Будет, будет, Ольга! Я все знаю... все...

Ольга. Простите, папа, я вас предостерегаю. Ведь над вами насмеются, отдадут под суд...

Судейкин. Отдадут.

Ольга. А как это хорошо, вообразите, под судом, без места, никому глаза нельзя будет показать (*плачет*).

Судейкин. Так, Ольга... Я это знаю, но боюсь...

Ольга. Кого?

Судейкин. Жены. Через нее я получил место заседателя.

Ольга. О, папа!.. На это не рассчитывайте. Будьте честны, все будет хорошо. Вы получите не то.

Судейкин. Наша родня вся такая. Мы бедны. Ведь ты у меня на руках да Коля.

Ольга (*плачет*). Папаша! Я готова сама на реку ходить, сама белье стирать, только бы жить с вами и радоваться, что вы честны, добры. Мне ничего не надо...

Судейкин (*целует Ольгу*). Ольга! Ты редкая девушка; с таким сердцем и душой у нас в городе не найдешь. Я всегда тебя слушал, любил и люблю теперь. Я более всего тебя люб-

лю. Я прежде клялся быть честным и теперь клянусь.

Ольга. И опять напрасно.

Судейкин. Нет, Оля! Я твердо клянусь никогда не брать и, заикнись жена, я прогоню ее... Слышишь! Я вытолкаю ее... Деньги я взял от жены, но в суде я отдам их сам Семенову.

Ольга. Вот и прекрасно...

Судейкин. Вот моя рука. *(Дает ей правую руку.)*

Ольга *(целуя руку)*. Благодарю.

(Судейкин уходит в кабинет. Ольга уносит в комнаты стакан. Судейкин выходит, одетый в сюртук и уносит в портфеле дело).

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Ольга (одна, перебирает вещи)

Ольга. В последний раз, может быть, я перебираю этот хлам!.. В последний раз! Завтра станем собираться в дорогу, уедем... Бедный мой папа! Как ты добр, как прост. Его надо все уговаривать, убеждать, чтобы он не вдался в ошибку, в обман, от которых вся наша жизнь зависит... Господи боже мой! Как подумаешь, сколько есть таких людей на свете, сколько доброты в них, чести, совести, но отчего это в них и честь, и совесть подавляются при первом случае – когда им дают? Неужели в самом начале своей службы он был таков? Не знаю, но может быть. Оттого верно, что он был беден, все это было ничего. Он научился брать и брал. Брал и тратил,

и снова брал... Казалось бы, он не может бросить этого. Но он еще не подавил свою совесть, у него есть стыд. Не будь мамыши, он бы вовсе не брал, но она так умеет им владеть, что он всегда соглашается на ее просьбы. Вот хоть бы сегодня: ведь уж клялся, что никогда не возьмет и будет делать по закону – нет! Все эта охота к деньгам. Быть может, он и не клялся бы не брать, но как попался под суд по двум делам, он понял, что это против совести, я его урезонивала, и он делался добрым человеком. Но его не любили в палате, называли лицемером. Да и правда, он изредка, по просьбе мамыши, все-таки брал... Неужели после клятвы мне сегодня, он все еще будет таков? Ведь вот какая страсть, привычка. Нет я буду стараться, чтобы с ним этого не было... Я радуюсь, что он исправляется на старости лет. Как неловко становится, если он возьмет: он губит человека. Вот чего мне страшно. В его руках участь – судьба человека, и он ее губит за деньги, по прихоти женщины... Я читала об этом много книг, и как досадно: что осуждается в книгах, есть наяву, и где же? – в родном доме. *(Садится и задумывается)*. Неужели этого не понимают те, про кого пишут? Им даже не досадно, их ничто не шевелит. Все служащие в нашем городе в палатах и суде пропитаны этими взятками. Они так и норовят взять с кого-нибудь. Бывала я на именинах у многих служащих наших из палаты, бывали и они у нас: все они, и молодые и старики, жалуются: доходов мало!.. В собрании видишь гордость, чопорность. Наряды так и говорят: доходы! В них нет вовсе

совести... Иные и кажутся честными, а берут. О! уехать надо отсюда. Мне, право, как-то горько смотреть на наших чиновников, на их постные, скучные лица, на которых каждый день одна и та же мысль, чем жить, доходов мало!.. Уедем, отдохнем в уезде, там лучше здешнего живут. Господи! и там не лучше, и там еще хуже. Там не ждут уже подарка, а сами просят!.. Там все до одного, все такие!.. И мы едем туда. Мачеха не даром исхлопотала место у дядюшки: знает, что ей там будет пожива. Нет, мамаша, не бывать этому! Пусть хоть один, да будет честен. А тяжело уезжать отсюда! Я так привыкла к нашему городу, что не знаю как и привыкать буду к уездному. Хоть и надоело здесь, и хочется уехать, а там будет скучно, ужасно скучно. Куда пойдешь? Здесь все как-то по-губернски, а там.... Там все грубее, необразованнее... Одно удовольствие, что летом сходишь раза три по грибы; пройдешься вечером по улице, и только. Хорошо, если найдешь себе подругу... А то читай книги, да и тех негде будет взять. Там все тебя узнают с первого раза, и сделай только что-нибудь, всяк узнает. Под вечерок сидят домохозяева и жильцы у ворот домов и ведут дружеский разговор... Пройди ты, они указывают на тебя пальцами и смеются. Что делать, надо жить, привыкать.... А мне не хочется ехать! Так бы и осталась здесь. Я люблю Карташева, и он любит меня, и как скучает, что я еду!.. Пожалуй, полюбит кого... Ведь в собрании часто влюбляются то в ту, то в другую девушку. Нет, он не таков. Он любит меня... Мне нельзя не ехать с

папашей. Без меня он опять примется за старое... Мамаша не будет давать ему покоя. Ну, а при мне не то будет. Я давно замечаю, что он переменяется. В первый раз он раскаялся, когда попал под суд, потом я дала ему одну книгу, он прочитал и сказал: все про взятки толкуют, их не вывести. Я урезонила его, и он опять поклялся, стал почитать изредка книги... А теперь не может жить без того, чтобы не читать. И кажется что в нем пробудились новые силы. О, дал бы бог ему совсем пробудиться, как бы я была счастлива...

(Голос из комнаты Марфы Павловны:) Оля, а Оля?

Ольга *(идет к двери. Отворив дверь.)* Что, мамаша?

Голос Марфы Павловны. Смотрела ли ты пирог в печи?

Ольга. Забыла, маменька. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Марфа Павловна *(входя в шляпке).*

Марфа Павловна. Так и есть. Вечно балясы точит! Ну и девка! *(подходя к окну.)* Вот и цветы не политы! Экая, ведь, подумаешь, беззаботная. Ох, вы цветы мои! Как-то я вас увезу! Вот черняйку-то еще можно – кот славный, на завидность будет, нужды нет, что уши обморозил. Дианку тоже увезем, а цветы не знаю. Жасмин три года рос, пять рублей стоит. Беда, мученье с переездкой! Куда девать горшки, подушки, ухваты. Все надо везти... Ну, как-нибудь... Ничего увезем. 150 рублей ведь отдала мужу... Какой, право, неблагодар-

ный, деньги с неба валяются, а он толкует о какой-то чести, совести. Чувствительность какую-то нашел! Все надо показать, учить. О, эти приказные! Когда им не дают ничего, они все твердят: нельзя, закон, а дал, и съежился: "извольте-с"... Все они такие. Я уже насмотрелась на дяденьку. Умница, умница такой; весь закон как знает... Два дома нажил. Скверно, в карты проигрывает много. А мой муж, не знаю на кого похож. Ну, да я его образую!.. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 8-е

Судейкин и Ольга (Судейкин, входя в шляпе и сюртуке)

Судейкин. Слава богу, все покончил. Вот и подорожная.

Ольга. А дело как?

Судейкин. Передавал в стол по описи.

Ольга. Деньги не отдали?

Судейкин. Отдал Семенову и сказал: "братец, я еду, вот твои деньги. Много ли ты давал?" – "150". – "Ну, возьми их и не смей вперед предлагать. Ты моли бога, что я не объявил об этом в полицию. Дело бы завязалось". Ну, и не велел приходить ко мне. В полицию, говорю, упрячу. Это я все сделал в коридоре. Пусть как хотят, так и делают.

Ольга. Вот и прекрасно сделали, папа! О, как я теперь рада! Папа, как я буду счастлива, если так вы будете поступать всегда.

Судейкин. Будь покойна. Право, Ольга, как-то веселее и

спокойнее теперь, как я отдал обратно деньги. Я рад чему-то.

Ольга. Всегда будете так радоваться. Ведь только трудно сделаться честным, а там – блаженство, папа!

Судейкин. Так оно. Но что я скажу Марфе Павловне как она спросит?

Ольга. Скажите – потерял.

Судейкин. Неловко.

Ольга. Ну, долги старые выплатил. Нельзя же от долгов уезжать.

ЯВЛЕНИЕ 9-е

Те же и Марфа Павловна

Марфа Павловна. Ну, что, мой друг?

Судейкин. Все хорошо. Во-первых, дела сдал исправно, получил подорожную на три лошади, завтра получу прогонные деньги. Во-вторых, дело Семенова подал в присутствие – пусть делают как хотят.

Марфа Павловна. Ты бы попросил?

Судейкин. Просить неловко. Догадаются! Ведь и то мы затеяли там, чорт знает, что такое.

Марфа Павловна. Ну и прекрасно, лишь бы дело с нашей стороны было обделано.

Судейкин. А там хоть что хочешь делай, денежки взяты, улик нет. Эх ты... душа моя. (*Берет ее за руку.*) Ну, Марфа Павловна, позволь тебя поблагодарить за протекцию! (*Целу-*

ет ее.)

Ольга (*целуя мать*). Примите и от меня полную благодарность.

Марфа Павловна. Не за что, милые мои. Будет уже здесь жить, пора и отдохнуть нам. Только тебя жаль, Ольга: жениха там не найдешь образованного. Впрочем...

Ольга. Да я и не пойду там ни за кого.

Марфа Павловна. Ну, Паша... Вот ты и заседатель? А ведь в уезде заседатель суда много значит. Здесь места хорошего не добьешься, да тебя никто и не знает, а там заседатель — аристократ, важный человек: живет по-пански. Вот-то у нас будут лошади, тарантас, хорошие платья, дом. Смотри, води себя только гордей.

Судейкин. Ну, ну, ты много наговорила... Теперь уж, душа моя, тебе меня не перехитрить. Я ни за что не возьму и тысячи.

Марфа Павловна (*смеясь и трепля его по лицу*). Ой ли?

Судейкин. Вот тебе бог. Пора знать совесть. Я покажу себя, каков Судейкин! Пусть знают, что значит быть честным...

Марфа Павловна (*смеясь*). Право?

Судейкин. Перед Ольгой я не солгу.

Ольга. Ей богу, мамаша! Теперь уж буду действовать я, а не вы, и папаша взятки не возьмет.

Марфа Павловна смотрит злобно то на Судейкина, то на Ольгу, которые, смотря друг на друга, улыбаются.

Конец 1-го действия

Действие 2-е

Угловая комната с двумя окнами налево, на окнах по три банки цветов, в аван-сцене у стены стол, стулья. Направо дверь в комнаты. Впереди две двери, одна в прихожую, другая в кабинет Судейкина. Комната штукатуренная. Перед зрителями на стене два портрета.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Ольга (одна у стола, смотря в окно)

Ольга. Вот и уездный город. Вчера только приехали и нашли едва-едва квартиру с тремя комнатами и кухней за 3 рубля в месяц. Ну и городок! Четыре каменных дома: два одноэтажных и два двухэтажных, а то все деревянные, ветхие домишки. Речка маленькая. Нигде нет и сада, негде будет и погулять. Тротуары только в одной улице и то до половины, и притом такие, что в одном месте построены от домов сажень на пять; фонарей и вовсе не видно. А народ-то? С первого раза так и видишь уездное спокойствие, довольство или скуку. А живут же, живут, рождаются и умирают здесь! Так, должно быть, все наши уездные города. Не пустеть же месту. Где-нибудь да надо жить. Вот и нам надо будет привыкать и жить. А как скучно с первого раза... Скучно о губернском

городе, о реке, бульваре, о собрании. Здесь их нет! Скучно о Карташеве... Как я плакала, как прощалась с ним. "Я тебя не забуду, говорит, буду писать письма. Пиши и ты". Не забывай, мой милый! О, как я его люблю! Бог знает, когда придется увидеть.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Ольга и Судейкин (входя в виц-мундире)

Судейкин. Уф! устал. (*Утирается платком.*) Кажется не жарко, а весь так вспотел. Чорт бы их побрал совсем! (*Уходит в кабинет и возвращается без виц-мундира, с щеткой в руке, чистит брюки.*) Все брюки выпачкал в грязи! Уж городок!

Ольга. Так вы пешком ходили?

Судейкин (*с сердцем*). На лешем, что ли, я поеду?

Ольга. Извозчика бы наняли.

Судейкин (*так же*). Извозчика! О них здесь только по наслышке знают, да и то те, кто жил в губернском городе. (*Чистит.*) Чорт – не городок! Уж лучше бы не ходить вовсе!

Ольга. Ну, как же вы путешествовали?

Судейкин. Попробуй сама, так и узнаешь! Прытка больно! Извозчика! Лешего здесь найдешь, да и никого дома не застанешь. С самого начала я вышел из дома, сухо. Ладно. Иду квартал, думаю, найду извозчика. Не видно. Спрашиваю какую-то женщину – за водой шла: "где бы, сударыня, изво-

щика найти?" ... Она вытаращила на меня глаза: "Не знаю, сударь". Я пошел дальше. Вижу, на углу две лошади с кучерами в тарансах. Я думаю, что это извозчики, и, как у нас, машу рукой. Не едут. Свищу – ни тпру, ни ну! Смотрю, по сторонам два мещанина идут, стали, смеются, указывают на меня и говорят: гляди-ка, чаво это барин-то свистит! "Випимщи – говорит другой". – Да это, кажись, не здешний! "И то!" Я рассердился. Дохожу до этих кучеров-извозчиков. "Глухи, что ли, вы! – кричу. – Много ли в час возьмете?" Они молчат и смотрят на меня. "Вы извозчики, что ли, или нет?" Они шапки поскидали и говорят: "Никак нет-с. Мы с баринами приехали". "Кто твой барин?" – спрашиваю одного. – "Секретарь, – говорит, – уездного суда". "Где, спрашиваю, он живет?". "Здесь". "А ты кого привез?" спрашиваю другого. – "Я, говорит, поверенного". Ну, не идти же мне первому к секретарю, да и то к нему первому. Спрашиваю, где живет судья, заседатель, стряпчий, бургомистр, исправник и тому подобные лица. Сказали. Я и пошел к судье. Он, говорят, где-то в карты с казначеем играет. Исправник на охоту уехал, зайцев стрелять; почтмейстер, городничий – тоже. У судьи вышла жена его, толстая такая, не дальнего ума, видно, что купеческая дочь. Заседатель земского суда уехал зайцев стрелять. Их уехало человек 23... Жены их по грибы, да по ягоды уехали. Был у стряпчего, это маленький, толстенький, седенький старичок. Горяч ужасно. У него выпил чашку кофе. Он меня принял вежливо. Потом пошел к заседателю

Зимину, товарищу по суду. Он раскладывал пасьянс. Молодой, способности есть, только дело, кажется, плохо знает. Я его пригласил на обед сегодня.

Ольга (*удивляясь*). Как скоро!

Судейкин. Нельзя. Мы с ним давно знакомы, вместе в палате служили.

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Те же и Марфа Павловна

Марфа Павловна. Ты уже дома?

Судейкин. Дома.

Марфа Павловна. Ну что?

Судейкин. Никого не застал дома. Мужья уехали стрелять зайцев, а жены по грибы.

Марфа Павловна. Ну, я пирог большой состряпала, во всю лопату. Нашла было стряпку, дала ей кое-что стряпать. а она и булки не знает, как испечь. Сварить супу не сумела. Я и выгнала ее.

Судейкин. Ну, ты уже совершила подвиг!

Марфа Павловна. Еще не то будет. Скверно, право: надо нанять кого-нибудь. А то воду самой придется носить с речки. А вода какая невкусная! Хоть бы с ключа какого достать. Паша, ты бы хоть поискал стряпки-то?

Судейкин (*уходит в кабинет*). Ладно. А нет, попросила бы пока соседку. Кто там, не барыня, чай, живет.

Марфа Павловна. Не худо бы нам с Ольгой сходить с визитом кое к кому.

Ольга. Я ни за что не пойду!

Марфа Павловна. Это от чего?

Ольга. Да чего мне там делать?

Марфа Павловна. Показать, познакомиться.

Ольга. Очень вам благодарна! Пусть сами знакомятся.

Марфа Павловна. Все же нехорошо не сделать им чести, это много значит.

Судейкин (*выходя из кабинета в пальто и с трубкой*). Во-первых, ты кое-кого-то еще вовсе не знаешь, да я и не видал самих мужей; во-вторых, они уехали по грибы, в-третьих, можно съездить завтра, а в-четвертых, я хочу, чтобы хоть мужья-то сами познакомились с нами наперед. Это, ма-тушка Марфушка, им много чести будет, вот что!

Марфа Павловна. Ну, так ладно. Теперь их, в самом деле, не застанем дома. Я им с Ольгой покажу себя. Мы покажем себя – каковы губернские-то!

Судейкин. Ну, вы уйдите... Вон кто-то едет, с визитом никак!

Ольга (*подходя к окну*). Рыжий какой-то, красный! Уйдем, мамаша.

Марфа Павловна. Посмотрим на него. Кто это такой?

Ольга. Да мы в дверь будем смотреть. (*Уходят в комнату.*)

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Судейкин и секретарь Запесошный (рыжие волосы, лицо красное, говорит с расстановкой, приговаривая часто "гм", прихрамывает на левую ногу. В виц-мундире. В руках треугольная шляпа).

Запесошный (*неловко кланяется*). Имею честь явиться... коллежский секретарь, Иван Назарыч Запесошный.

Судейкин (*про себя*). У него лошадки есть. Да он, кажется, того-с, выпивши. (*Запесошному, указывая на стул:*) Прошу садиться. Позвольте знать, кто вы такой (*Протягивает ему руку.*)

Запесошный (*робея*). Я-с?.. гм... извольте видеть. Коллежский секретарь!

Судейкин (*про себя*). Недальнего ума. (*Ему*). Гм! знаю-с. Должность ваша?

Запесошный (*сконфузясь*). Гм... гм... секретарь уездного суда

Судейкин. Очень рад, что имею честь видеть представителя суда, – да, хозяина суда, как вообще зовут сами себя секретари. Садитесь, Платон Назарыч.

Запесошный (*саясь*). Благодарю-с. Вы-с все в палате служили?

Судейкин (*саясь*). Да, служил восемнадцать лет, служил и в губернском правлении. А вы давно секретарем?

Запесошный. Третий год.

Судейкин. А раньше где служили?

Запесошный. В канцелярском училище, изволите видеть я обучался. Писав чисто, я был определен в канцелярию губернатора; Гм! был потом бухгалтером в комиссии; потом-с в губернскому правлении писцом служил; Гм! здесь служил писцом, столоначальником был три года...

Судейкин. Давно в службе?

Запесошный. Тринадцатый год.

Судейкин. Ну, как у вас в суде?

Запесошный. Гм! Все хорошо-с. Гм! порядок отличный у нас заведен.

Судейкин. Позвольте узнать ваш порядок. Я здесь не служивал, нужно привыкать. А то, не знаяши порядка, трудна будет служить. Я знаю, в судах все разные формы – не так, как в одном суде, хотя и должна быть во всем однообразность. *(Дает трубку Запесошному. Тот робко курит.)*

Запесошный *(про себя)*. Гм! канальство... штука видно он. *(Судейкину)*. Гм! На службу ходят все. Сидим с девяти до часу, да вечером, с пяти до 9 часов. А кто не придет-с, тово и без сапог.

Судейкин. Без сапог, позвольте вам заметить, оставляли в старину. Теперь уже не то. Нужно действовать на служащего не насилием, а словом, убеждением.

Запесошный. Гм! Да они не понимают-с.

Судейкин. Нужно уметь быть таким, чтобы понимали.

Много ли дел у вас по настоящее число?

Запесошный. Дел сотни три или еще меньше-с. Нерешенных-с около 50, а то все решены, да за неисполнением решений остаются.

Судейкин. А бумаг?

Запесошный. Гм! Не знаю.

Судейкин. А протоколов много, например, подано в присутствие?

Запесошный. Штук шестьдесят-с.

Судейкин. А!.. Как же это протоколов больше, чем нерешенных дел?

Запесошный. Гм! Это уже столоначальников дело....

Судейкин. А вы что же смотрите, секретарь?

Запесошный. Да я-с, гм, только вчера вышел, все в горячке был.

Судейкин (*про себя*). Видно, что хворал. Красный, как окунь, да и вином тащит, как от бочки. (*Вслух*). Ну, а вы не допускаете беспорядка?

Запесошный (*храбрясь*). Я-то? Гм! Я такой характерный, что ни за что не допущу неисправности. Эти вот сии-то протоколы без меня все накопились. Уж я бранился, бранился, а толку все мало.

Судейкин. Кто же за вас правил должность?

Запесошный. Чурохов – надсмотрщик и расходчик.

Судейкин. Хороший человек?

Запесошный. Плут, негодяй-с. Скотина сушая (*оглядыва-*

ется).

Судейкин. Никого нету-с. Что же он верно в свои руки все загребают?

Запесошный. Да-с.

Судейкин. А другого разве нет, его лучше, у вас в суде?

Запесошный. Гм! Нашлись бы, как нету-с... да тут-с...

(Оглядывается.)

Судейкин. Что-нибудь да есть?.. Ничего, не бойтесь. Я еще не видал судью.

Запесошный (*тихо*). Тут расположение судьи.

Судейкин. А! Как же он втерся к судье?

Запесошный. Известно как-с... Гм! Он начитанный-с человек. Все "Сын Отечества" читает, да "Московские Ведомости". Где нам, – не по капиталу. Кланяется низко. За словом в люди не полезет – лучше всех здешних-то Сократов обойдется. Гм! Да и сделать-то сумеет. Гм! Судья его и любит. Надсмотрщик ведь. Платит в месяц судье. Расходует много, а ничего почти нет. Кроме того-с, отец его опекуном. Ну, мешочков десять привезет судье, – ладно. Вот вы увидите. Конечно, и вам привезет мешочков пять, поплатится ладно. А я где возьму...

Судейкин (*про себя*). Эдакая скотина! Вот нет Марфы-то Павловны. (*Ему.*) И вам дает тоже?

Запесошный. Где уж мне. Мне, говорят, не за что-с. Я простяк. Гм! Вот если бы не жена у меня. Умная женщина! Редкостная! Она и в секретари меня вывела, – не бывать бы. Она

все поддерживает меня. Терпи, говорит, Ваня, казак, атаманом будешь: возьмет да и пойдет к судейше, подарит ей платочек какой-нибудь, или духов каких-нибудь, или индюшку... И служишь ладно. Гм! А то обижает, подлец, сильно.

Судейкин (*улыбаясь*). Кто же?

Запесошный. Чурохов. Точно, гм, я ему костью в горле сию. "Пьяница, говорит, вы, Иван Назарыч. Дела своего не знаете. Не жена бы, так были бы в отставке". Ну, рассудите-с, кому приятно слышать такую *пасквиль*. Ведь за живое задевает! Ты обрабатывай, трудись, а он, тово... он и берет так да еще обзывается...

Судейкин. И вы все терпите?

Запесошный. Хотел было рапорт подать на него, да чего-возьмешь? Уж губернатору пожалуюсь. Хоть вы, Павел Тимофеич, не оставьте меня.

Судейкин. Не беспокойтесь. Когда мы поймем друг друга, мы его скрутим.

Запесошный (*весело*). Я было хотел его, выпивши, побить, да ну его!.. Отпустил.

Судейкин. Не мешало бы. У нас был такой же подобный господин. Фискалом все звали. Ну, знаете, в палате ребята бойкие, хваты, под пьяную руку не попадайся. Зазвали эдак его за реку, да и отодрали... Так-таки отодрали – чудо. (*Размахивает руками, представляя, как драли.*) Не фискаль! Не ябедничай! Будь дружнее... (*Запесошный также разводит руками, как и Судейкин, и при этом качает головой. При по-*

следней фразе он смеется и неистово долго потирает руками, так что Судейкин громко смеется.) Так бы и вам его отодрать.

Запесошный. Хотели было... Ну да мы его. (*Опять потирает руками и смеется. Встает.*) Прощайте-с! Гм! Ко мне прошу покорно!

Судейкин. Благодарю! (*Подает руку и кланяется. Запесошный выходит. Входит Чурохов.*)

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Судейкин и Чурохов (в форменном сюртуке, волосы длинные; одет щеголевато)

Чурохов (*кланяясь*). Имею честь явиться и поздравить вас с приездом, – надсмотрщик и расходчик уездного суда.

Судейкин (*кланяясь и протягивая руку*). Очень благодарен. Я об вас знаю мельком по делам, слышал, что вы дельный человек и очень рад.

Чурохов. Я больше всего рад за ваши отзывы. Здесь так глухо, что не с кем слова сказать. Позвольте вас спросить, как звать вас по имени и отчеству?..

Судейкин. Павел Тимофеич, а вас?

Чурохов. Платон Иванович.

Судейкин. Прошу садиться.

Чурохов. Очень благодарен. Я думаю, в губернском городе много новостей? Вот уж здесь ровно ничего не может

быть нового. Мы живем в каком-то захолустьи, заплесневели. Здесь ужасно скучно. *(Оба садятся друг возле друга.)*

Судейкин. Во-первых, я вам скажу, что новостей там так же мало, как и здесь. Все новости, сообщаемые в "Губернских Ведомостях", так редки и ничтожны, что о них и говорить не стоит... Новости там знают из газет, в которых больше разве интересуются происшествиями, да кое-кто политикой. О литературе не стоит говорить. Ею, большею частью, занимаются женщины, как совершенно незанятые ничем посторонним. Скандалы и домашние сплетни случаются часто и в высшем, и низшем кругу. Но это пошлость. Мы люди служащие, интересуемся частью официальной службою, переводами и тому подобным. Но это ведь не новости, это обыкновенно. Следить за этим, право, не стоит труда. Положим, там есть кое-какое разнообразие – и то летом. Но зимой скука, как и везде. Во-вторых, у вас здесь, по-моему, гораздо проще, общительнее и спокойнее должно быть. Здесь только надо отдыхать. А у нас мелкому чиновнику и повеселиться-то негде, да и некогда. У вас вот, например, мужчины стреляют дичь, зайцев, а женщины по грибы ездят. Видите, как просто, патриархально...

Чурыхов. Ну, как хотите, все скучно. Я до охоты за зайцами вовсе не охотник. Для меня лучше всего провести время за дружеским разговором; но здесь решительно нет таких, кто бы кое-что смыслил. О литературе здесь так мало знают, что и говорить не с кем. За политикой никто вовсе не следит.

У нашей аристократии политика состоит в том, чтобы прогуляться с ружьем в лес, да побранить кого-нибудь, или поиграть в карты, — это я говорю потому "политика", что наши дамы это зовут политикой... (*Помолчав.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.